
Комнаты внутри нас
Комната одиночества
О жизни, в которую мы никого не впускаем
Шокун Алексей Владимирович

Шокун Алексей

Комната одиночества. О жизни, в которую мы никого не впускаем

https://litres.ru/74725863
SelfPub; 2026

Аннотация

Одна тарелка, одна чашка, один стул. Когда долго живёшь один, это становится не обстоятельством, а привычным устройством мира. В двенадцати историях «Комнаты одиночества» люди работают, общаются с соседями, отвечают на звонки и постепенно забывают, как впустить кого-то ближе. В комнате старого дома всё по одному. Смотритель оставляет фонарь на подоконнике и зажигает свет в коридоре. Никто не заставляет героев искать друзей или менять характер. Но за дверью остаётся пространство, в котором возможно присутствие другого. Это проза о тишине, осторожности и незаметной потребности в связи.

На отдельных этапах подготовки издания применялись интеллектуальные цифровые инструменты.

Содержание

Об этой книге	4
Как читать	6
Пролог	7
Стол на одного	8
Шкаф, который собирали вдвоём	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Шокун Алексей
Комната одиночества. О жизни, в которую мы никого не впускаем

Серия «Комнаты Внутри Нас»
Шокун Алексей Владимирович

Об этой книге

Это художественная проза. Истории в этой книге не заменяют помощь врача или психотерапевта, не описывают диагнозов, не дают назначений и не обещают, что после них что-то пройдёт.

Если вы узнали себя в одной из историй — это не диагноз. Узнавание не доказывает ничего, кроме того, что вы человек и с вами бывает то же, что с другими людьми.

Если сейчас с вами происходит что-то, с чем трудно оставаться одному, — это не тот случай, когда нужна книга. Позвоните тому, кто может помочь: врачу, психотерапевту, близкому человеку. Долгое одиночество иногда означает, что человеку нужна помощь, и это не значит, что с ним что-то не так.

Всё, что здесь есть, — двенадцать историй про людей, которые научились обходиться без других и назвали это характером. Ни один из них не становится другим человеком. У всех в конце остаётся то же, с чем они начали, — меняется только то, что они об этом знают.

Как читать

Одну историю за вечер. Больше не надо: истории короткие, но они не для того, чтобы их проглатывали.

Порядок соблюдать не обязательно. Но если день был тяжёлый, не читайте подряд пятую и шестую — они самые тёмные. Между ними лучше сделать перерыв или перейти сразу к двенадцатой.

Последние три истории короче остальных и тише. Их лучше читать не подряд, а по одной, и лучше вечером, когда уже никуда не надо.

Истории не нужно понимать. В них нет скрытого смысла, который вы обязаны найти. Если после истории ничего не произошло — это нормальный результат: так бывает чаще всего.

Если история задела, закройте книгу. Не надо разбираться сегодня. Не надо ничего вспоминать специально — если вспомнится, оно вспомнится само, и уже не в книге.

Эту книгу можно читать вслух. Она так и написана — с расчётом на то, что её слышат.

И последнее. Эта книга не про то, как завести друзей и научиться ходить в гости. Она про комнату, в которой всё по одному, и про свет в коридоре, который горит независимо от того, выйдете вы или нет.

Пролог

В этом доме есть комната, в которой всё по одному.

Один стул. Одна чашка на столе, одна тарелка в сушке, одна ложка в ящике. Одно полотенце на гвозде у двери, и оно висит ровно, потому что его никто не сдвигает.

Окно большое, подоконник широкий. На подоконнике сидят.

На стене одна фотография, приколотая кнопкой. На ней много людей, все смеются, и она так выцвела, что лиц почти не разобрать.

На столе стоит ваза. В вазе нет цветов, но вода налита до половины.

Комната чистая. В ней нет ничего лишнего, и от этого она кажется больше, чем есть.

Смотритель входит, ставит фонарь на подоконник и выходит в коридор.

Там он включает свет.

Фонарь остаётся на подоконнике, маленький и жёлтый, и светит в комнату, а из-под двери идёт полоса — широкая, ровная, от коридорной лампы.

В комнате по-прежнему один стул. Но под дверью теперь светло, и слышно, как в коридоре кто-то ходит.

Никто не ходит.

Свет горит.

Стол на одного

Он ел стоя. Кухня была шесть метров, стол стоял у окна, и за столом никто не сидел: на нём лежали квитанции, зарядка от телефона, коробка от наушников и три письма, которые он не открывал. Он доставал тарелку, накладывал, подходил к раковине и ел стоя, глядя в окно на соседний дом.

Так было быстрее. Он сам себе так говорил. Его звали Павел, и ему было сорок семь.

Он двадцать два года работал на заводе, в цехе, слесарем-ремонтником, и смена у него начиналась в семь. Он вставал в пять двадцать, пил кофе и ехал через город, и в это время на дороге было пусто. Он знал свой маршрут наизусть: две улицы, мост, поворот у рынка, проходная.

Он парковался у третьего корпуса, в ряду, где стояли свои, и здоровался с вахтёром. Работа была разная: то тихо, то аврал, и он любил аврал, потому что в аврал было чем заняться.

В аврал он оставался до девяти, и ему было хорошо: руки заняты, голова пустая, и никто ничего не спрашивает.

Он говорил: «Я лучше останусь». Начальник смены говорил: «Тебе что, дома не сидится?» Он говорил: «Не сидится».

И это была правда, и это было смешно, и над этим смеялись. У него был свой ящик с инструментом, и в нём всё лежало по порядку. Он не любил, когда брали его ключи, и

однажды наклеил на крышку бумажку: «Не брать».

С тех пор не брали. Жену его звали Ольга, и они прожили вместе четырнадцать лет. Она ушла в марте шестнадцатого, и ушла не в скандале, а тихо, в среду, пока он был на смене.

Он вернулся, и в квартире было чисто, и шкаф в спальне был открыт, и половины вещей не было. На столе лежала записка: «Прости. Я так больше не могу».

Он потом думал, что она могла бы сказать это вслух, и что вслух было бы легче, и что ей, наверное, было нелегко сказать вслух. Она забрала диван, кота и половину посуды, и посуду делила честно: две тарелки из четырёх. Он потом девять лет ел из этих двух тарелок.

Она сказала на прощание одну фразу, которую он запомнил: «С тобой не о чем говорить». Он тогда подумал, что это неправда. Он потом думал, что она имела в виду не «не о чем», а «не получается».

Квартира была двушка, и после её ухода вторая комната осталась. Он закрыл в неё дверь и стал складывать там то, что некуда деть: коробки, лыжи, старый телевизор, гладильную доску. Он заходил туда раз в месяц, ставил что-нибудь и выходил.

Он говорил себе, что разберёт. Он не разобрал.

В той комнате стоял шкаф с её платьями, и он его не открывал.

Там была коробка с фотографиями, и он знал, что она там, и не доставал. Там стояло кресло, и на кресле лежал плед, и

плед был её. Один раз, в двадцать первом, он зашёл туда с фонариком, потому что перегорела лампочка в коридоре, и постоял и вышел.

Лампочку он потом вкрутил новую. Он даже не помнил, когда последний раз был в той комнате при свете.

В кухне было шесть метров, и он там жил: ел, смотрел телефон, курил в форточку.

В окне напротив была кухня, и в ней всегда горел свет. Там жили двое, мужчина и женщина, и они ужинали в одно и то же время. Он знал их девять лет и ни разу с ними не разговаривал.

Один раз он встретил мужчину в лифте, и тот сказал: «Здравствуйте», и он сказал: «Здравствуйте». Это был весь разговор за девять лет.

В марте у них на кухне погас свет, и он смотрел в тёмное окно и не знал, что делать.

Он посидел и потом понял, что надо ложиться спать. Через день свет опять горел.

Первые полгода он ничего не умел. Покупал, как раньше: килограмм мяса, пять литров молока, большой батон. Половину выбрасывал и злился на себя.

Потом научился брать маленькое, и это оказалось удобно, и он привык, и перестал замечать, что берёт маленькое.

В магазине у дома его знали и здоровались. Кассирша один раз сказала: «Вам пакет?» Он сказал: «Не надо».

Она сказала: «У вас же всё в руках». Он сказал: «Донесу».

И донёс, и потом думал, что мог бы взять пакет и что это ничего бы не изменило.

Он жил один с две тысячи шестнадцатого года и за девять лет научился делать всё на одного: варить кофе в маленькой турке, покупать полбатона и две сосиски, готовить на одну сковородку. Первые два года он ждал, что она вернётся. Он не звонил и не писал, и ждал, что позвонит она.

Она позвонила один раз, в семнадцатом, по делу: надо было подписать бумаги на квартиру. Он подписал и спросил: «Как ты?» Она сказала: «Хорошо».

И это было всё, и он потом думал, что «хорошо» — это ответ, который не оставляет места. Новый год он встречал один, и это было нормально: он ложился в двенадцать и вставал в шесть. Один раз, в двадцатом, он поставил ёлку, маленькую, и она стояла до марта.

День рождения у него был в июне, и он его не праздновал. Галя звонила и говорила: «С днём рождения». Маша писала в мессенджере: «Пап, с днём рождения».

Он отвечал: «Спасибо». Один раз, в двадцать втором, он купил торт и съел его за три дня. В холодильнике у него не было запасов. Там стояли йогурт, яйца, масло и открытая банка огурцов, и он знал, что если купит больше, то половина пропадёт.

Он мыл одну тарелку и ставил её в сушку, и к вечеру в сушке стояла одна тарелка. Стол он купил в две тысячи пятом, когда они переехали, и он был из ДСП, светлый, с двумя

ящиками. За ним ели четырнадцать лет.

Потом на нём стали лежать квитанции. Он один раз хотел его выбросить и не выбросил, потому что он был крепкий.

Вечером он смотрел в телефон и не помнил, что смотрел.

Он один раз посчитал, сколько времени так сидит, и получилось два часа. Он подумал, что два часа — это много. Он подумал, что два часа — это его вечер.

Телевизор у него был, но он его не включал. Один раз, в двадцать первом, он включил его на новости и через десять минут выключил. Он говорил: «Там всё одно и то же».

Он говорил это так, как говорят люди, которые не смотрели. Сушка была на две секции, и вторая всегда пустовала. Он один раз поставил туда чашку, чтобы не было пусто, и потом убрал: это выглядело глупо.

Сестра звонила по субботам, и он говорил, что всё нормально, и она говорила, что надо бы приехать, и он говорил, что приедет. Сестру его звали Галя, и она была старше на четыре года. Она жила в области, за двести километров, и звонила по субботам, в одиннадцать.

Она спрашивала: «Как ты?» Он говорил: «Нормально». Она говорила: «Ты ел?»

Он говорил: «Ел». Она говорила: «Приезжай». Он говорил: «Приеду».

Дочь его звали Маша, и в шестнадцатом ей было двенадцать. Она осталась с матерью, и он видел её по воскресеньям, и сначала это было каждое воскресенье, потом раз в

месяц, потом как получится. Она выросла и стала звонить сама, и это было хуже, чем когда звонил он: она звонила, чтобы спросить, и не знала, что спросить.

Она говорила: «Пап, ты как?» Он говорил: «Нормально». Она говорила: «Ну ладно».

И это был весь разговор, и оба клали трубку с облегчением. Один раз, в двадцать третьем, он приехал к ней на день рождения и просидел два часа, и она была рада, и он был рад, и они не нашли, о чём говорить. Он уехал и в машине подумал, что два часа — это много и что это ничего.

Галя приезжала один раз, в девятнадцатом, на три дня. Она ходила по квартире, открыла дверь во вторую комнату и сказала: «Паша». Он сказал: «Потом разберу».

Она сказала: «Ты это говоришь с шестнадцатого года». Он сказал: «Ну и что». И она уехала, и они не поссорились, и это было хуже ссоры.

На холодильнике у него висела одна фотография: Маша в шестом классе, с косичками. Он её не менял девять лет. Он думал, что надо распечатать новую, и не распечатал.

К дочери он не приезжал четыре года.

На работе он обедал в машине. Он брал с собой контейнер, ставил его на колени, открывал крышку и ел, и в это время слушал радио. Обед был сорок пять минут, и он успевал поесть, покурить и посидеть.

Зимой в машине было холодно, и он заводил двигатель и ел с включённой печкой, и стекло затягивало, и он протирал

его рукавом. Машина была «девятка», и ей было двадцать лет, и он знал её лучше, чем квартиру. Он говорил: «Она меня ещё переживёт».

Игорь говорил: «Она тебя уже пережила». И это была шутка, которая повторялась. По радио в это время была передача, где люди звонят и рассказывают истории.

Он слушал её каждый день и знал всех, кто звонит, по голосам. Один раз он подумал, что мог бы позвонить, и не позвонил. Он придумал, что бы сказал: «У меня всё нормально, я работаю, у меня есть дочь».

Он придумал это и понял, что это не история. У людей в этой передаче были истории про войну, про болезни, про любовь, а у него истории не было. Один раз было минус двадцать шесть, и он ел в перчатках, и перчатки пахли котлетами до конца смены.

В ноябре в цеху открыли столовую. Её сделали из старой кладовой: поставили шесть столов, повесили меню на доску и наняли женщину, которая варила суп и компот. Женщину звали Тамара, и она работала в этой кладовой ещё до того, как там сделали столовую.

Меню писали мелом: в понедельник всегда борщ, в четверг — суп с фрикадельками. Компот стоил двадцать рублей, наливали его в гранёные стаканы, и стаканы были тяжёлые. Суп был настоящий, с капустой и картошкой, и его варили в большой кастрюле с утра.

Хлеб лежал в тазу, и его можно было брать сколько хо-

чешь. Соль стояла в солонке с отломанной крышкой.

Игорь из соседнего участка сказал ему в первый же день:

— Пойдём. Там компот из сушёных яблок, как в детстве.

Он сказал:

— У меня с собой.

Игорь сказал:

— Ну и что.

Он сказал:

— Я в машине.

Игорь пожал плечами и ушёл. Через неделю Игорь спросил снова, и он снова сказал, что у него с собой.

Через месяц Игорь перестал спрашивать.

Игорь был из тех, кто зовёт всех и не обижается, когда не идут. Он звал его три раза, и на третий сказал: «Ну, как хочешь». И больше не звал, и это было не обидно, а окончательно.

Он потом думал, что окончательность — это когда никто больше не спрашивает. Игорь один раз, в двадцать втором, позвал его на рыбалку. Он сказал: «Я не умею».

Игорь сказал: «Там не надо уметь». Он сказал: «У меня машина». Игорь сказал: «Поедем на моей».

Он сказал: «Я подумаю». И не поехал, и Игорь больше не звал. Он потом думал, что «я подумаю» — самый удобный способ отказать и что все это понимают.

Сначала он этому обрадовался, а через неделю понял, что обрадовался зря. Он ел в машине и смотрел, как люди идут

через двор в столовую и обратно, идут по двое и по трое, и один раз он увидел, как Игорь что-то рассказывает и машет рукой, и все смеются. Он тогда подумал, что ему там нечего делать.

Он думал, что в компании надо уметь говорить, а он не умел. Он думал, что лучше быть одному, чем сидеть и ждать, когда на тебя обратят внимание. Это было правдой и одновременно не совсем правдой, и он это знал, и всё равно так жил.

Он не был злым и не был гордым. Он был человеком, который девять лет всё делал сам и разучился делать это с кем-нибудь ещё.

В феврале он пошёл.

Причина была глупая: у него замёрзла машина, и он не смог в неё сесть, и обед надо было где-то провести. Он отогревал её двадцать минут, сидя в чужом «жигуле» и слушая, как хозяин ругается. Он вошёл в столовую и остановился в дверях.

Народу было человек двадцать, и все ели и говорили одновременно. Внутри было шумно. Пахло супом и мокрой тряпкой. За дальним столом сидели четверо из его смены, и Игорь махнул ему рукой.

Он подошёл и сел. Суп стоил девяносто рублей, и он заплатил, и ему дали тарелку, и он сел и понял, что не знает, куда деть руки. Разговор шёл про футбол. Он футбол не смотрел и ничего не сказал.

Кто-то спросил, за кого он.

Он сказал:

— Я не смотрю.

Повисла пауза, и он понял, что пауза из-за него.

Игорь сказал:

— Ну и правильно, время экономишь.

И все засмеялись, и стало легче. Потом говорили про машины, и он мог бы сказать, но не стал. Он съел суп за восемь минут, выпил компот и встал.

Игорь сказал:

— Ты куда?

Он сказал:

— Покурить.

И вышел. Вечером он подумал, что больше не пойдёт: сорок минут неловкости, и всё это время он смотрел в тарелку. Он думал, что дома лучше.

Через неделю Игорь сказал в раздевалке:

— Сегодня четверг. Компот.

Он сказал:

— Ладно.

И пошёл. В этот раз он просидел двадцать минут.

В следующий — тридцать.

Он стал ходить по вторникам и четвергам, потому что в четверг был суп с фрикадельками. В раздевалке было сорок шкафчиков, и его был двадцать второй. Он переодевался быстро и уходил, и один раз Володя сказал: «Ты чего всегда

убегаешь?»

Он сказал: «Я не убегаю». Володя сказал: «Убегаешь». И он не нашёл, что сказать, и с тех пор переодевался ещё быстрее.

В мае Игорь уволился. Он сказал: «Нашёл в городе, платят больше». Он сказал: «Ну».

Игорь сказал: «Ты держись». И ушёл, и в столовой стало на одного меньше, и это оказалось заметно. Володя стал садиться у окна, а место Игоря осталось пустым, и никто на него не садился.

Он просидел там ещё месяц, а потом стал ходить через день. Он говорил себе, что суп надоел. Он знал, что дело не в супе.

Он думал, что если бы Игорь остался, он бы ходил. В июне он не пошёл три недели. Он ел в машине, и машина уже не была холодной, и он открывал окно.

Он смотрел, как люди идут через двор, и на этот раз не считал их. Он подумал, что вернуться будет неудобно и что неудобство — это причина, которую он понимает. Он думал, что возвращаться туда, откуда ушёл сам, неудобно и что это не про людей, а про него.

К концу лета он знал, кто где обычно садится: Володя у окна, молодой Стас всегда у прохода, потому что торопится, а место Игоря так и стояло пустое. Тамара знала всех по именам и говорила: «Паш, тебе как обычно?» Он сначала не понимал, что значит «как обычно», и потом понял, что это

борщ и компот.

Он стал говорить: «Как обычно». Однажды она сказала: «Ты чего такой худой». Он сказал: «Я не худой».

Она сказала: «Худой. Ешь больше». И положила ему добавку, и он не стал спорить.

Тамара один раз спросила: «Ты один живёшь?» Он сказал: «Один». Она сказала: «Давно?»

Он сказал: «Девять лет». Она сказала: «Ох». И больше не спрашивала, и он был ей благодарен.

К осени он знал, что Володя разводится, что у Стаса родилась дочь, и что Игорь каждый год ездит на рыбалку в Астраханскую область и каждый год возвращается без рыбы. Он сам почти ничего не рассказывал. Но иногда говорил.

Володя один раз спросил его про развод — не прямо, а вокруг, — и он ответил коротко, и Володя не переспросил. Он потом думал, что это было не так страшно, как он представлял. Маша позвонила в октябре и спросила: «Пап, а ты один живёшь?»

Он сказал: «Один». Она сказала: «Совсем один?» Он сказал: «Совсем».

Она помолчала и сказала: «А тебе нормально?» Он сказал: «Нормально». Она сказала: «Ну ладно».

Он потом думал, что она хотела услышать другое, и что он не знал, какое другое. Он думал, что если бы сказал «нет», она бы расстроилась, и что если бы сказал «да», она бы тоже расстроилась.

Однажды он сказал, что умеет делать пельмени. За столом это оказалось неожиданно интересно всем, и его три раза переспросили: правда сам лепит?

Он научился в детстве, у бабки, и лепил их с тех пор каждый месяц. Тесто раскатывал бутылкой, потому что скалки не было. Баба Шура научила его в восемь лет, и она говорила: «Тесто любит руки, а не скалку».

Он лепил каждый месяц, штук по сорок, и замораживал, и ел две недели. Он делал это в воскресенье, и это было единственное воскресенье, которое он любил. Он никогда никому не рассказывал про пельмени, потому что это было не про пельмени.

Он говорил и вдруг понял, что рассказывает больше, чем за весь год.

Он сказал:

— Сам.

Игорь сказал:

— Ну ты даёшь.

Стас сказал:

— А научите?

Он сказал:

— Приходите в субботу.

Он сказал это и сам испугался.

Стас сказал:

— Да ладно, я шучу.

Он почувствовал облегчение и потом злился на себя за это

облегчение. В субботу он убрал со стола квитанции в ящик, а зарядку и коробку от наушников — в шкаф. Он протёр стол, потому что на нём остались следы от чашки, и постелил на него старую клеёнку, которая лежала в кладовке с ремонта.

Клеёнка была в цветах, и он подумал, что она дурацкая, и всё равно постелил. Он встал в шесть и не знал, что делать до обеда. Он поехал в магазин и купил муку, яйца и мясо, и это была первая покупка за год, где было больше пяти предметов.

Он положил всё на стол и посмотрел на это. Он думал, что надо купить что-нибудь к чаю. Он не купил.

Он подумал, что чай есть, и сахар есть, и этого хватит. Клеёнку покупала Ольга, и она лежала в кладовке с ремонта, и на ней была цена — двести восемьдесят рублей. Он посмотрел на цену и подумал, что она там с две тысячи четырнадцатого.

Он не стал её вытирать, потому что она была чистая. Он сварил пельмени, достал тарелку, налил в стакан воды и сел. Он сварил сорок штук и съел двадцать.

Остальные положил в морозилку, и там уже лежали такие же с прошлого месяца. Он ел их с маслом и сметаной, и сметану покупал в маленькой баночке. Он ел и смотрел в окно, и в окне напротив ужинали двое.

Он смотрел на них и жевал, и это было почти как вместе. Стул под ним скрипнул, и он вспомнил, что этот стул девять лет стоял у стены и на него складывали пакеты. Он поел.

Он думал, что за столом надо сидеть и что-то при этом делать, а делать было нечего. Он ел, и это было странно. Он ждал, что кто-нибудь придёт.

Никто не пришёл, и он не удивился. Он потом думал, что Стас сказал «я шучу» и что это было честно. Он думал, что если бы пришёл, ему пришлось бы разговаривать два часа.

Через месяц он опять сказал за столом: «Приходите». Никто не ответил, и Стас сказал: «Ага». Он понял, что сказал это как пароль, который больше не работает.

В воскресенье позвонила Галя и спросила: «Как ты?» Он сказал: «Нормально». Она сказала: «Что делал?»

Он сказал: «Пельмени варил». Она помолчала и сказала: «Ты один ел?» Он сказал: «Один».

Она сказала: «Паша». Он сказал: «Я за столом ел». И она сказала: «Ну и хорошо».

В окне напротив на кухне горел свет, и там ходили двое, и он смотрел на них, как смотрел всегда, и в этот раз не думал ничего. Он ел медленно, потому что сидеть было неудобно и потому что надо было привыкнуть. Тарелка была та же. Пельмени были те же.

В окне был тот же соседний дом.

Он доел и посидел ещё немного, и потом убрал тарелку и помыл её, и поставил в сушку, и в сушке опять стояла одна тарелка. Он подумал, что надо было купить вторую тарелку. Он подумал, что вторая тарелка — это для кого-то, и что покупать её незачем.

Он поставил тарелку в сушку и посмотрел на вторую секцию. Она была пустая. Он не стал туда ничего ставить.

Он подумал, что вторая секция не для посуды. Он подумал, что сушка на две секции — это на двоих. Стол у окна.

На столе клеёнка, тарелка, вилка и стакан с водой.

Стул отодвинут. Он сидит за ним каждый вечер, и иногда смотрит в окно, а иногда нет. Иногда он ставит на стол телефон и смотрит в него.

Иногда не ставит и смотрит в окно. Он теперь всегда его отодвигает, когда садится, и задвигает, когда встаёт, и это единственное, что изменилось.

Шкаф, который собирали вдвоём

Шкаф привезли в трёх коробках, и в самой длинной было написано: «38 кг». Ей тридцать восемь. Она работает приёмщицей в ателье на углу, двенадцать лет, и выписывает квитанции в трёх экземплярах: клиенту, на вешалку и в тетрадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.